

Лица:

**ОЛЬГА
ЖАКЛИН
ПАВЛОВ
ВИКАНДР
ЛЁСИК**

И возраст персонажей, и их действия ясны по ходу пьесы, но всё определяет режиссёр. Главное – соответствие замыслу. Нужен ли антракт – решает театр.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Первый этаж загородного дома. Слева в глубине кухни, ближе к авансцене – ванная комната. В центре – гостиная с необходимой мебелью и кроватью. В проёмах окон – афиши о концертах виолончелистки Ольги Бельской, фотографии. На одной, висящей отдельно – смеющаяся Жаклин Дю Пре. Прямо – входная дверь. Справа – спальня. Утро. С разобранной постели на диване только что встали. Из-под одеяла на кровати свешивается рука. ОЛЬГА выходит из ванной комнаты в домашнем халате, поправляя волосы. Убирает постель с дивана в комод. Проходит мимо кровати, глядя на спящую дочь. Из ящичка секретера достаёт ключ, отпирает им дверь спальни. Толкает дверь, стоит у притолоки. Входит внутрь. Обходит спальню. Берёт мобильный телефон, нажимает кнопку. На прикроватной тумбочке звонит другой мобильный. Постель «приходит в движение»... Появляется голова и рука, берущая трубку.

ЖАКЛИН. Кто ещё?

ОЛЬГА (изменённым голосом). Продажа колокольчиков! Продажа колокольчиков!

ЖАКЛИН. Каких ещё колокольчиков?

ОЛЬГА. Для счастливой жизни!

ЖАКЛИН. Мама! (Роняет телефон на пол, укутывается в одеяло.)

ОЛЬГА решительно выходит из спальни, прикрывает дверь, подходит к окнам, поднимает шторы.

ОЛЬГА. У-у, какой туман! Посмотри только!

ЖАКЛИН ворочается.

Такого тумана я никогда не видела...

ЖАКЛИН что-то произносит.

Не бурчи. (Подходит к кровати, откидывает одеяло, указывает на окно.) Посмотри на это чудо! Сплошное молоко. ЖАКЛИН (садится рывком). Я смотрю на тебя и думаю: ты сошла с ума.

ОЛЬГА (отходит). Я сошла с ума. Я – сошла – с ума... Сегодня 14 сентября – день, когда твоя мама сошла с ума. Запомни.

ЖАКЛИН. Надо записать.

ОЛЬГА. Запомни.

ЖАКЛИН. Могу забыть. Сама говорила, память у меня – дырявая.

ОЛЬГА. Сегодня много дел, надо всё успеть.

ЖАКЛИН. Куда спешить?

ОЛЬГА. Много дел, а ты валяешься.

ЖАКЛИН. Все нормальные люди ещё спят. Спят, понимаешь?

ОЛЬГА. А я ненормальна! Я же сошла с ума!

ЖАКЛИН. Но я-то тут при чём?! (Закутывается в одеяло.)

ОЛЬГА. Возможно, они не в силах проснуться! Их пока не разбудили... Проходят столетия, а они всё спят, спят...

ЖАКЛИН. Мама, прекрати.

ОЛЬГА. Работают, едят, танцуют, приходят на мои концерты...

ЖАКЛИН. Не только на твои.

ОЛЬГА. На все концерты! Во все залы, театры, музеи! И всё – как во сне... Их никто не ущипнул, никто не поднёс колокольчик, чтобы разбудить их спящие души...

ЖАКЛИН. Перестань, мама...

ОЛЬГА. Ты хочешь быть похожей на них? Разве такое возможно, чтобы моя дочь была похожа на людей, живущих во сне? Поднимайся.

ЖАКЛИН. С тобой трудно разговаривать по субботам. Хотела выспаться...

ОЛЬГА. Первым делом ответь мне: снилось ли тебе озеро с лунной дорожкой? Или, быть может, розовый куст в тенистой аллее?

ЖАКЛИН. Мне снились тараканы.

ОЛЬГА. О, это к уборке. Приводи в порядок свою половину комнаты, а я займусь своей.

ЖАКЛИН. Что вдруг?

ОЛЬГА. А после сядем завтракать. Мать и дочь. Семья. Я вчера купила какую-то удивительную ветчину, она отливает медью...

ЖАКЛИН. Мама, а нельзя ли отложить этот план, перенести на другой день?

ОЛЬГА. Нет.

ЖАКЛИН *(поднимаясь; увидя приоткрытую дверь спальни)*. А... почему?

ОЛЬГА. Что почему?

ЖАКЛИН. Почему именно сегодня?

ОЛЬГА. По-моему, мы это уже выяснили. Я сошла с ума именно сегодня. У тебя и впрямь с памятью неважно. Ты права, стоит записывать. Я подарю тебе ежедневник.

ЖАКЛИН. Мама, ты помешана на чистоте. В этом и проявляется твоё сумасшествие. Скоро, чтобы прибраться, ты начнёшь будить меня ночью...

ОЛЬГА. Твоё ружьё не на месте.

ЖАКЛИН. Это лук. Спортивный лук.

ОЛЬГА. Какая разница? И то, и другое стреляет. Опасно.

ЖАКЛИН. Уже семь лет у нас в доме спортивный лук.

ОЛЬГА. И все семь лет я напоминаю тебе...

ЖАКЛИН. Разница как между виолончелью и роялем. И то, и другое играет.

ОЛЬГА. Неточно! Виолончель плачет. «У виолончели я учусь петь», – сказал Шаляпин. Рояль не может плакать.

ЖАКЛИН. А Шопен?

ОЛЬГА. Только в сонате для виолончели преобладают лиловые оттенки, рояль – только рама. Картину пишет виолончель.

ЖАКЛИН. Ну, хорошо, хорошо, что, помимо моего лука, тебя ещё не устраивает?

ОЛЬГА. Мне очень приятно, что ты покладиста и послушна, доченька... Но... оглянись вокруг: разве нас может устроить в этом мире что-либо, кроме лунной дорожки на озере...

ЖАКЛИН. ...или розового куста в тенистой аллее?!

Пауза.

В наш дом можно водить посетителей и за плату показывать его, как образчик чистоты. Ни пылинки, ни соринки!

ОЛЬГА. Я заметила: когда тебе не хочется что-либо делать, ты начинаешь кричать на мать. А это нехорошо.

ЖАКЛИН. Ты заметила? *(Смеётся.)* Обратила внимание, да? Я польщена. За двадцать восемь лет ты наконец-то обратила на меня внимание!

ОЛЬГА *(после паузы)*. Видимо, это закон жизни, закон, конечно, несправедливый, но – что поделаешь? От детей трудно ждать благодарности, и я не ропщу. Возможно, всё дело как раз в родительских грехах... И, тем не менее, тем не менее, девочка моя, ты говоришь нехорошо.

ЖАКЛИН. Будишь меня ни свет ни заря всего-навсего для того, чтобы довести до совершенства идеальный порядок, который ты фанатично поддерживаешь изо дня в день, затем упрекаешь меня в неблагодарности к тебе, и всё это смасливаешь мирным семейным завтраком с ветчиной, отливающей медью!..

ОЛЬГА. И впрямь можно поверить, что тебе снились тараканы.

ЖАКЛИН начинает громко красиво петь.

ОЛЬГА. Позволь напомнить тебе...

ЖАКЛИН *(не переставая петь)*. Да-да, мама.

ОЛЬГА. ...своим именем ты обязана Жаклин Дю Пре, несравненной виолончелистке...

ЖАКЛИН *(не переставая петь)*. Как это забыть, мама?

ОЛЬГА. Я убеждена, она не согласилась бы с тобой теперь.

ЖАКЛИН *(не переставая петь)*. Нет, мама, нет.

ОЛЬГА. И! как нельзя назвать гения выдающимся, так же идеальный порядок нельзя довести до совершенства. Следи за своей речью, доченька, я уже предупреждала тебя: небрежность в высказывании мыслей влияет на качество самих мыслей... Это деградация, Жаклин, ею заражено почти всё человечество, – не хочешь же ты быть с упавшим большинством? Так вот... (как же прекрасно ты поёшь!) Сегодня особенный день, и я уведомила тебя об этом, скрыв причину.

ЖАКЛИН *(прервав пение, давится от хохота)*. Значит, есть причина, чтобы скрыть причину?

ОЛЬГА сначала смотрит холодно, потом улыбается, наконец, они смеются вместе.

ОЛЬГА. Негодница! Негодница.

ЖАКЛИН. Ах, мама!

ОЛЬГА. Что «ах, мама!»?

ЖАКЛИН. Ничего.

ОЛЬГА. Нет уж, договаривай.

ЖАКЛИН. Ну... дверь в спальню открыта, это неспроста.

ОЛЬГА (*прислушиваясь к тому, что за окном*). Что за звуки? Слышишь? Этот железный грохот?

ЖАКЛИН. Баки мусорщиков.

ОЛЬГА. Какая насыщенность жёлтым!

ЖАКЛИН. Ежедневная процедура.

ОЛЬГА. Это из-за густого тумана...

ЖАКЛИН. Сколько же лет она заперта? Десять? Пятнадцать? Неужели в моё отсутствие ты ни разу не заглядывала туда?

ОЛЬГА (*подходя к окну*). Туман так плотен, что звук застревает в нём. Если сыграть на виолончели, будет странный эффект.

ЖАКЛИН. Ты никогда просто так ничего не делаешь.

ОЛЬГА. Да, странный эффект.

ЖАКЛИН порывается идти в спальню.

(*Оборачивается.*) Любопытство не должно возобладать над почтением.

Пауза. ЖАКЛИН колеблется.

Будь великодушна.

ЖАКЛИН. Вот давно хотела узнать твоё мнение, мама...

ОЛЬГА. О чём, дочь?

ЖАКЛИН. Прочитала у Гёте, кажется. И застряло. Что выше – в нравственном смысле – великодушие или решимость?

ОЛЬГА (*с недоумением*). Что вы с Гёте имеете в виду?

ЖАКЛИН. Поступив великодушно, то есть, делая хорошо другим, забываешь о себе и отступаешь от своей цели. А, проявляя решимость, не замечаешь людей вокруг, зато цели добиваешься.

ОЛЬГА. Что сказал Гёте?

ЖАКЛИН. Мне интересно, что скажешь ты.

ОЛЬГА. Слишком округло.

ЖАКЛИН. Округло?

ОЛЬГА. Ценность действия определяется каждой конкретной ситуацией.

ЖАКЛИН. А если «конкретная ситуация» – вся жизнь?

ОЛЬГА. Чья жизнь?

ЖАКЛИН. Ты когда уходишь?

ОЛЬГА. Ухожу? Куда?

ЖАКЛИН. Ну, не знаю куда!.. В консерваторию, на телевидение, к Лакириной?..

ОЛЬГА. Да, кстати, от Клары Валентиновны тебе привет, вчера вечером разговаривала с ней...

ЖАКЛИН. Мама...

ОЛЬГА. Алику всё хуже и хуже. Доктора опасаются рецидива.

ЖАКЛИН. Мама, ты уходишь куда-нибудь сегодня?

ОЛЬГА. Что, ухожу? Как я могу? 14 сентября.

ЖАКЛИН. И чем особенен этот день?

ОЛЬГА. Ты убрала свой лук, но этого недостаточно. Мне не должно быть стыдно...

ЖАКЛИН. Перед кем? Кто-то придёт?

ОЛЬГА. Всегда должно быть так, что, кто бы ни пришёл, мне не было бы стыдно.

ЖАКЛИН. Великодушие или решимость?

Пауза.

ОЛЬГА. Ты взрослая женщина. Да, у тебя не складывается личная жизнь, и мне, как матери, больно смотреть на твои мучения, но...

ЖАКЛИН. Ты сама родила меня поздно.

ОЛЬГА. Но ты давно должна была понять, самодисциплина – то оружие, без которого не обойтись в одиночестве. Иначе... раздробление, атомизация, гибель... Женщина не должна опускаться. Лень – твой враг. Надо элементарно приучить себя к тому, чтобы окружающее пространство радовало бы тебя саму. Создавать атмосферу жизни для себя, вокруг себя...

ЖАКЛИН. Ты возненавидела меня с тех пор, как я перестала заниматься пением. (*Смеётся.*)

ОЛЬГА. Как я могу ненавидеть тебя, ты – моя дочь? Что ты говоришь?!

ЖАКЛИН. Это тлело и тлеет между нами.

ОЛЬГА. Ничего между нами не тлеет! Даже не произноси подобных вещей!

ЖАКЛИН. Александр Арнольдович говорит, что ещё год-полтора тренировок, и я смогу претендовать на место в сборной.

ОЛЬГА. И прекрасно! Я очень рада. Ты поедешь в Лос-Анджелес и завоюешь олимпийское золото!

ЖАКЛИН. Может быть, в Париж.

ОЛЬГА. Конечно, или в Париж, ещё лучше. Никаких сомнений!

ЖАКЛИН. Правда?

ОЛЬГА. А я буду стоять на трибуне, хлопать в ладоши и говорить всем: «Это моя дочь, это моя дочь, это моя дочь»...

Пауза. ЖАКЛИН, демонстративно волоча за собой одеяло, направляется в ванную комнату.

Если не хочешь бутербродов с ветчиной, сделаю омлет.

ЖАКЛИН (*в дверях ванной*). А что, если я не уйду?

ОЛЬГА. А как же тренировка?

ЖАКЛИН смеётся, закрывая дверь.

Тренировки, что, нет сегодня?

ЖАКЛИН (*из-за двери*). Я отпросилась.

ОЛЬГА. Что случилось? Ты неважно себя чувствуешь? Это женское?

ЖАКЛИН (*выглянув и тут же скрывшись*). Да, женское.

ОЛЬГА. Девочка моя, тогда...

Слышно, как ЖАКЛИН напевает, чистя зубы. ОЛЬГА подходит к двери, поднимает одеяло.

Почему ты перестала заниматься пением?

ЖАКЛИН (*выглядывая, с зубной щёткой во рту*). Мм?

ОЛЬГА. Почему ты бросила петь?

ЖАКЛИН. Я пою.

ОЛЬГА. Ты же понимаешь, о чём я...

ЖАКЛИН скрывается за дверью. ОЛЬГА, бросив одеяло, садится на кровать. Она будто разговаривает с кем-то... ЖАКЛИН выходит, присаживается на корточки рядом с мамой.

ЖАКЛИН. Всё предельно просто. Я не хотела выслушивать твоих замечаний. И без пения их довольно.

Пауза. ОЛЬГА гладит ЖАКЛИН по голове.

ОЛЬГА. Настродалась от матери...

ЖАКЛИН (*поднимаясь*). Лук учит выдержке.

ОЛЬГА. Молодец, дочь! (*Встаёт, идёт на кухню.*) Завтрак будет готов через пять минут. За это время наведи порядок на своей половине.

ЖАКЛИН. Может быть, с этого дня всё поменяется и не будет никаких половин?

ОЛЬГА (*готовя завтрак*). Что?

ЖАКЛИН. Ну... у тебя будет спальня. Я останусь в гостиной.

ОЛЬГА. Возможно.

ЖАКЛИН. Неприлично: разнополым в одной комнате.

ОЛЬГА (*как бы не слыша*). Это не отменяет уборки.

ЖАКЛИН. Нет, конечно, нет! Я бы даже сказала, усугубляет её. (*Застилает постель и т.п. Подняв мобильный телефон, пишет сообщение.*)

ОЛЬГА. После завтрака я попросила бы тебя побыть на кухне.

ЖАКЛИН. Мама, не волнуйся, я уйду.

ОЛЬГА. А как же... твоё недомогание?

ЖАКЛИН. У тебя есть причина недоговаривать о сегодняшнем дне, у меня тоже.

ОЛЬГА. Нет, ну а женские дела?

ЖАКЛИН. Ты не то подумала.

ОЛЬГА. Не то? А что – то?

ЖАКЛИН. Потерпи немножко.

ОЛЬГА хмыкает. ЖАКЛИН смеётся тому, что читает в телефоне.

ОЛЬГА. Я сказала что-то смешное?

ЖАКЛИН. Мама, ты всегда говоришь только серьёзное.

ОЛЬГА. Ну уж...

ЖАКЛИН. Да. Объяви, пожалуйста: «Завтрак готов!»

ОЛЬГА. Он ещё не готов, да и ты не всё прибрала...

ЖАКЛИН (*театрально*). А-а-а!!!

ОЛЬГА. Покричи, покричи... Не получишь омлета с ветчиной.

ЖАКЛИН. Той самой, ржавой?

ОЛЬГА выразительно молчит. ЖАКЛИН заканчивает прибирать. ОЛЬГА несёт на подносе завтрак, ставит на стол, садится. ЖАКЛИН тоже. Какое-то время едят молча.

ОЛЬГА. Ты могла быть с матерью откровенней.

ЖАКЛИН. Это ни к чему хорошему не приводит.

ОЛЬГА. Неправда. Ты могла бы...

ЖАКЛИН. Я стараюсь. Но не сегодня.

ОЛЬГА. А что такого в этом «сегодня»?

ЖАКЛИН. Пока не ответишь ты – и я не скажу.

ОЛЬГА. Это третирование.

ЖАКЛИН. Угу.

ОЛЬГА. Есть личное пространство. Моё личное пространство.

ЖАКЛИН. Закрытая спальня.

ОЛЬГА *(не слушая)*. Но я мать! Я обязана знать, что происходит с моим ребёнком!

ЖАКЛИН, *засмеявшись, играючи, падает на пол*.

Что смешного я сказала?!

ЖАКЛИН. И как пафосно! *(Что-то находит в ворсе ковра, прячет.)*

ОЛЬГА. А ты – дочь. И знать всё о матери не входит в круг твоих обязанностей.

ЖАКЛИН. «Круг обязанностей»! Почему не квадрат? Не треугольник? *(Возвращается за стол.)* Знаешь, из каких цветов состоит мишень? Чёрный, голубой, красный, жёлтый. От края к центру.

ОЛЬГА. Причём тут твоя мишень?

ЖАКЛИН. От края – к центру. Сейчас мы обе попали в молоко. Даже не в чёрное.

ОЛЬГА. Какую прекрасную ветчину я купила. Да, дорого. Но вкусно!

ЖАКЛИН. За твоим трескучим пафосом прячется элементарное любопытство.

ОЛЬГА. Я умру от твоей грубости.

ЖАКЛИН. Ты бы очень хотела, чтобы день начинался с того, чтобы я выбалтывала о себе всё. А ты бы давала советы. «Ты так не должна поступать, доченька». «Этого делать не надо». «Лучше избежать подобного...» Правда, мама? Это твой идеал нашей совместной жизни.

ОЛЬГА. Почему только отрицательные советы ты мне приписываешь? Я бы могла сказать и: «Поступай только так, доченька, именно так и надо поступать, моя красавица»...

ЖАКЛИН *(фыркая)*. Кто считает меня красавицей – не имеет вкуса.

ОЛЬГА. Матери никогда не в счёт, девочка моя.

ЖАКЛИН. Знаешь, как назывался первый фильм, в котором снялась Пенелопа Крус?

ОЛЬГА. Я равнодушна к её карьере.

ЖАКЛИН. «Ветчина»! *(Смотрит на реакцию матери, которой нет.)* Там парень целует её грудь, приговаривая: «Как вкусно». Она спрашивает: «А какой вкус у моей груди?» А он отвечает: «Ветчины».

ОЛЬГА. Фу, какая пошлость!

ЖАКЛИН. Ты находишь это пошлым?

ОЛЬГА. Разумеется. Тебе добавить омлета?

ЖАКЛИН. Я не считаю это пошлым. Что в этом пошлого?

ОЛЬГА. Видишь ли, умение различать... это всё-таки врождённое, а не приобретённое. Либо есть, либо нет. Омлет ещё будешь?

ЖАКЛИН. Считаешь меня неспособной? Я – стрелок. Сама натягиваю тетиву, сама целюсь, сама выпускаю стрелу. В нужный момент. Не дышу. Нет ничего, кроме жёлтого круга, в который надо попасть.

ОЛЬГА. Концентрация на лучшем.

ЖАКЛИН. Задержка дыхания вырабатывается годами.

ОЛЬГА. Конечно, опыт прибавляет шансы.

ЖАКЛИН. Для того, чтобы в нужную долю секунды отпустить тетиву.

ОЛЬГА. Редко получается натренировать.

ЖАКЛИН. И – прямо в цель!

ОЛЬГА. А стрелы ломаются при попадании?

ЖАКЛИН. Что?

ОЛЬГА. Бывает такое, что стрела ломается, вонзаясь?

ЖАКЛИН. Вонзаясь?

ОЛЬГА. Ну, а как ещё назвать это проникновение стрелы в мишень?

Пауза.

ЖАКЛИН. Ты же настраиваешь виолончель...

ОЛЬГА. До, соль, ре, ля. От большой октавы к малой. И важен тембр.

ЖАКЛИН. Спасибо за завтрак. *(Собирает посуду, относит в раковину, моет.)*

Долгая пауза.

ОЛЬГА. Ты сможешь мне выбрать наряд?

ЖАКЛИН. Будь проще. Джинсы и футболка – то, что нужно для свидания.

ОЛЬГА. Я умру от твоей грубости.

ЖАКЛИН. Нет, мама, ты умрёшь от старости.

ОЛЬГА. Почему это?

ЖАКЛИН. Ты хочешь умереть как-то по-другому?

ОЛЬГА. Что за глупый разговор.

ЖАКЛИН. Ты уже дважды сказала, что умрёшь от моей грубости. Не моя инициатива. *(Подходит к платяному шкафу, отворив его, рассматривает содержимое.)*

ОЛЬГА. Может быть, бежевый жакет и юбку меланж?

ЖАКЛИН фыркает.

А что? Дымчатый цвет мне всегда шёл...

Пауза.

Или то платье с зелёным отливом, которое мы купили на via Condotti², помнишь? Как же назывался магазин? После мы зашли в Caffè Гресо³, но зал Гоголя был перекрыт... Не помнишь?

ЖАКЛИН. Название магазина? Нет.

ОЛЬГА. А о платье что скажешь?

ЖАКЛИН. Оно тебя толстит.

ОЛЬГА. Ну уж!

ЖАКЛИН выразительно смотрит на мать, возвращается к поиску.

Ой, ой, с розами! Я его надевала всего два раза!

ЖАКЛИН (*показывая*). Вот это? Ты в него не влезешь.

ОЛЬГА. Я точно умру от твоей грубости.

Достав из шкафа, ЖАКЛИН победно демонстрирует ОЛЬГЕ найденное платье.

ОЛЬГА (*с недоверием*). Ты думаешь?

ЖАКЛИН. Убеждена.

ОЛЬГА. Оно светлое...

ЖАКЛИН. Это единственное светлое платье, которое тебе можно надевать. Кроме того, жемчужный – твой цвет.

ОЛЬГА. Ты никогда не говорила мне... Это цвет третьей части сонаты Рахманинова анданте.

ЖАКЛИН. Живо надевай!

ОЛЬГА (*берёт платье*). Как ты разговариваешь с матерью?

ЖАКЛИН. В примерочную!

ОЛЬГА. Нет, ну как ты разговариваешь с матерью?! А где примерочная?

ЖАКЛИН указывает на дверь спальни.

ОЛЬГА покорно уходит туда, переодевается. ЖАКЛИН набирает номер мобильного телефона.

ЖАКЛИН (*в трубку, негромко*). Всё готово? Угу. Маму одеваю. Знаю, знаю. Успею. До встречи!

ЖАКЛИН тоже переодевается: ночная пижама заменена на джинсы и футболку, собирает свою сумочку. В проёме двери спальни появляется ОЛЬГА.

Ты уже видела себя в зеркале?

ОЛЬГА (*не отвечает, обходит гостиную, чуть касаясь пальцами предметов*). Я благодарна тебе. (*Подходит, целует дочь*). Откуда у тебя такой вкус к вещам?

ЖАКЛИН. Где-то убыло, где-то прибыло.

ОЛЬГА. Да уж!

ЖАКЛИН. Ты играешь чужие вещи, как носишь платья, ты – исполнитель. В этом разница.

ОЛЬГА. Разница между чем и чем?

ЖАКЛИН. Кем и кем. Между нами, дорогая мама. (*Целует, идёт к входной двери, машет ручкой*.)

ОЛЬГА. Уже уходишь? Когда придёшь?

ЖАКЛИН. О, нет!

ОЛЬГА. Я просто спросила.

ЖАКЛИН (*возвращаясь*). Ах, да... даже при идеальном порядке, бывает, находится давным-давно потерянная вещь. (*Из сумочки достаёт что-то, зажимая в кулак*.) Готова ли ты к радости, дочь виолончельная?

ОЛЬГА. Готова, дочь моя!

ЖАКЛИН (*разжимая кулак*). Так радуйся же!

ОЛЬГА. «Чёрная капля»! Где ты её нашла?

Ну, надо же!.. Я и думать забыла!..

ЖАКЛИН. Удачного дня.

ОЛЬГА. Подожди. Приколи мне её... Как думаешь, подойдёт?

ЖАКЛИН прикалывает сапфировую брошку в виде чёрной капли на платье ОЛЬГИ.

ЖАКЛИН. Изумительно.

ОЛЬГА. Да? Ты так считаешь?

ЖАКЛИН. Надо только что-то сделать с причёской... Adios, amigo⁴!

(*Хватает куртку, берётся за ручку двери*.)

ОЛЬГА. А что не так с причёской?

ЖАКЛИН. Сумбур вместо музыки...

ОЛЬГА. Думаешь, нужно постричься?

ЖАКЛИН. Налысо! (*Выходит*.)

Долго звенят, задевая друг друга, дверные колокольчики.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Вечер того же дня. Свет приглушён. Долго звонит мобильный телефон. В спальне с постели в том же жемчужном платье поднимается ОЛЬГА, отвечает на звонок.

ОЛЬГА. Да, дочь. Нормально. Всё нормально. Как у тебя? Скажи: «Навуходоносор». Я слышу. Завтра будешь вся разваливаться...

² улица в Риме.

³ кафе Греко на улице Кондотти, где бывал Н.В.Гоголь.

⁴ До свидания, друг (исп.).

(Выходит босиком в гостиную.) Покажись-ка, включи камеру. Понятно... А что? Ну, зачем тебе это знать? Ничего это не значит... Вопрос. Я не спрашиваю тебя: когда? – скажи только: вернёшься ли?.. Ну, ты взрослая девочка, только... Что, я давлю? Это я-то давлю?.. *(Нажимает «отбой», но тут же вновь звонок.)* Что ещё гадкого ты мне хочешь сказать?.. Ой, Павлов, я не тебе. *(Включает «громкую связь», кладёт телефон на стол, ходит вокруг, расширяя круги.)*

ГОЛОС ПАВЛОВА. А кому? С кем ты только что разговаривала?

ОЛЬГА. Тебе-то что?

ГОЛОС ПАВЛОВА. В самом деле. Я заеду.

ОЛЬГА *(кричит)*. Нет!

ГОЛОС ПАВЛОВА. Ты чего так орёшь? Чем ты там занята?

ОЛЬГА *(хочет соврать, но выдыхает)*. Я грущу.

ГОЛОС ПАВЛОВА. Акулька не развлекает? *(Пауза)*. Погрустим вместе.

ОЛЬГА. Вряд ли получится.

ГОЛОС ПАВЛОВА. Твой пессимизм никогда не был заразителен.

Звонок в домофон.

Открывай! *(Прекращает разговор.)*

ОЛЬГА *(подходит к домофону, нажимает кнопку)*. Павлов, ты обнаглел.

ПАВЛОВ *(с экрана домофона)*. Давно и навсегда.

ОЛЬГА. Являться к даме без приглашения... без предупреждения...

ПАВЛОВ. ...самый мужской поступок!

Открывай, говорю!

ОЛЬГА. Послушай, не сегодня. Сегодня был трудный день...

ПАВЛОВ. Открывай, хватит чушь молоть!

ОЛЬГА *(хныча)*. Павлов!..

ОЛЬГА *нажимает «открыть», возвращается в спальню, надевает чёрные туфли, выходит, закрывает спальню на ключ, открывает входную дверь. В проёме – рука с бутылкой вина и коробкой конфет.*

За всю историю человечества мужчины, чтобы соблазнить женщину, не изобрели ничего более оригинального, чем вино и конфеты...

ПАВЛОВ *(появляясь)*. Не знаю, за всю историю не скажу, чем соблазнялись женщины, например, в эпоху плейстоцена... Может быть, голенью мамонта? Я соблазняю

по старинке. И... что с тобой? Ты, так всегда следившая за этим, перестала замечать несоответствия в своей речи?

ОЛЬГА. О чём ты?

ПАВЛОВ. О чём я?! Ну, если за всё время мужчины повторяют один и тот же трюк, значит, женщины довольны таким соблазнением! Да здравствуют вино и конфеты!.. Именно факт женского довольства приводит к мужской повторяемости. Успех превращается в тенденцию... А та, в свою очередь, становится традицией. А традиция – это постоянство. Из раза в раз. Так что вот это *(показывает вино и конфеты)* – длинная цепь успеха мужчин, в веках опробовавших безотказный метод.

ОЛЬГА. Всё-таки ты...

ПАВЛОВ. Да, болтун. Именно болтуны лучше всего пишут! Разрабатывают язык.

ОЛЬГА. Который язык?

ПАВЛОВ. Средство общения! Фонетика, лексика, грамматика, семантика, синтаксис... Оттачивается стиль, рождается свой почерк...

ОЛЬГА. А я думала...

ПАВЛОВ. Да, разрабатывается и тот язык, что во рту – он становится безкостным и очаровывает женщин.

ОЛЬГА *(улыбаясь)*. Что занесло тебя, о, Павлов, в чертог одинокой женщины эпохи увяданья?

ПАВЛОВ. Брось! Какое увяданье? Ты меня ждала, что ли? Так разоделась...

ОЛЬГА. Что, не могу?

ПАВЛОВ *(ставит на стол принесённое)*. Это вино очень идёт к твоему платью!

ОЛЬГА *(щурясь, смотрит на винную этикетку)*. Это же испанское.

ПАВЛОВ. Не просто испанское, а «Бычья кровь».

ОЛЬГА. Ну, и как такое вино пить в этом платье? Пойду переоденусь.

ПАВЛОВ. Не двигайся. Прямое соответствие есть упрощение. Хочешь надеть красное с чёрным, да, Кармен? *(Идёт на кухню, берёт штопор, бокалы, возвращается.)*

ОЛЬГА. К моему платью, мне кажется, подойдёт шампанское.

ПАВЛОВ. Пропускаем замечание, как незначительное. С одним добавлением: любой алкоголь подойдёт той, кто носит это платье. Содержание важнее обёртки *(открывает бутылку, наливает вино в бокалы)*.

ОЛЬГА. Чегой-то вдруг моё платье переквалифицировалась в обёртку?

ПАВЛОВ. С точки зрения филологии, всё правильно, ведь оно обёртывает тело *(даёт*

бокал Ольге, поднимает свой). А я пью за тот оборот, когда мы столкнулись лбами у доски объявлений Консерватории, узнавая, приняты ли.

ОЛЬГА. Было больно, между прочим.

ПАВЛОВ. Но ты не подала виду. Как и сейчас.

ОЛЬГА *хочет что-то сказать...* ПАВЛОВ *чокается с ней бокалом, выпивает.* ОЛЬГА *тоже.* ПАВЛОВ *наполняет бокалы.*

ОЛЬГА. Послушай, Павлов, сколько лет мы знаем друг друга?

ПАВЛОВ. Ну, зачем тебе цифры, повышающие давление?

ОЛЬГА. Почему мы с тобой ни разу не переспали?

ПАВЛОВ. Нет, был один раз, когда ты напилась в зюю, а у меня достало такта не трогать тебя. То есть, да, мы не переспали, но лежали рядом. Раздетые.

ОЛЬГА *(настораживается)*. На дне рождения Лакириной?

ПАВЛОВ. Нет, Клары там, кажется, не было... Это после того, как твой Пупсик оставил тебя.

ОЛЬГА. Это я его оставила!

ПАВЛОВ. Пусть так.

ОЛЬГА. И не называй его Пупсиком.

ПАВЛОВ. Когда виолончель оставила фагота.

ОЛЬГА. Это было у тебя?

ПАВЛОВ. Это не могло быть у меня!

ОЛЬГА. Почему?

ПАВЛОВ. Потому что Акульке было два с половиной года...

ОЛЬГА. У меня, что ли? На Долгоруковской?

ПАВЛОВ. Настолько незначительное событие, что не удержалось в твоей памяти.

ОЛЬГА. Мы же просто лежали рядом.

ПАВЛОВ. Просто лежали.

ОЛЬГА. Как человек с человеком.

ПАВЛОВ. Именно!

ОЛЬГА. Я-то опьянела...

ПАВЛОВ. Это не так называется.

ОЛЬГА. Хорошо, я надралась.

ПАВЛОВ. Угу.

ОЛЬГА. А ты что же, не выпивал, что ли?

ПАВЛОВ. Выпивал, как же?! Я же тебя утешал.

ОЛЬГА. Ну и, утешая, ты что же, не наклюкался?

ПАВЛОВ. Нет. Я же помню.

ОЛЬГА. Что ты помнишь?

ПАВЛОВ. Всё помню.

ОЛЬГА. Тогда объясни мне... Если, по-твоему, я нализалась, была в разобранном состоянии, как я могла снять с себя одежду?

ПАВЛОВ. Ты и не снимала.

ОЛЬГА. Ты сказал, что мы лежали рядом раздетые.

ПАВЛОВ. Ну да. Её с тебя снял я.

Пауза.

ОЛЬГА *(выпивает)*. А с тебя кто?

ПАВЛОВ. Никто. Я сам.

ОЛЬГА. Как много нового таит в себе прошлое! Ты что, меня раздевал?

ПАВЛОВ. А что мне было делать, оставлять тебя одетой?

ОЛЬГА. Почему нет? Уложил бы, накрыл пледом, и все дела... Не пойму я что-то, Павлов, что произошло в тот вечер?

ПАВЛОВ. Мы напились и легли спать. Что тебя ещё интересует?

ОЛЬГА. Зачем ты меня раздел?

ПАВЛОВ. Потому что думал, что...

ОЛЬГА. ...что можешь овладеть мной? Ах ты, гад!

ПАВЛОВ *(будто обращаясь к кому-то)*. Первая стадия опьянения у этой женщины – подозрительность и лёгкое оскорбление. *(Выпивает.)*

ОЛЬГА. Утром я поднялась и пошла в душ, как обычно. Потому что тогда имела привычку спать голой. И тебя рядом не заметила. А когда зашла на кухню, – ты уже пил кофе. Одетый. Был кто-то ещё...

ПАВЛОВ. Да ты всё прекрасно помнишь!

ОЛЬГА. Утро – да.

ПАВЛОВ. А ты больше не спишь голой? Что же на тебе? Пижама? Комбинация? Ночная сорочка? Чему отдаёшь предпочтение?

ОЛЬГА. Павлов, ответь честно... Тебя развезло, и ты просто не смог?

ПАВЛОВ *(разливая вино в бокалы)*. Я был предельно деликатен.

ОЛЬГА. Ты был предельно деликатен и тактичен, поэтому наши жизни не слились.

ПАВЛОВ. Слились-слились!.. Не произошло слияния тел. Только и всего.

ОЛЬГА. О чём ты *сожалеешь*?

ПАВЛОВ. Природа некоторых вопросов такова, что следует оставлять их без ответа. *(Выпивает.)* Это вино терпкое, как ты.

ОЛЬГА. Я терпкая?

ПАВЛОВ. Ещё какая!

ОЛЬГА. Откуда ты знаешь? Мы же не переспали...

ПАВЛОВ. Ты источаешь терпкость!

ОЛЬГА *(выпивает)*. Быть может, именно потому нам с тобой так вольготно друг с другом, что у нас не было постели?

ПАВЛОВ. Их дружеская беседа велась в весёлом ключе...

ОЛЬГА. Хотя ты и напрягся при моём допросе.

ПАВЛОВ. Я напрягся? Я никогда не напрягаюсь.

ОЛЬГА. Что мне в тебе нравится, Павлов...

ПАВЛОВ. Не говори. А то буду развивать это качество, дойду до идеала, и что тогда?

ОЛЬГА. И что тогда?

ПАВЛОВ. Конец личной истории.

ОЛЬГА. Идеал – это конец истории?

ПАВЛОВ. Конец истории – это конец идеала. Я не про то.

ОЛЬГА. А про что ты, Павлов, про что ты?!

ПАВЛОВ. Я про ключи.

ОЛЬГА. Про какие ключи?

ПАВЛОВ. Их же так трудно подобрать...

ОЛЬГА. Как ты прав, Павлов.

Пауза.

ОЛЬГА. Если хочешь знать, ключей – три. Скрипичный. Басовый. Теноровый.

ПАВЛОВ. Я знаю. Я – басовый.

ОЛЬГА. И не один из них не конец личной истории. *(Смеётся.)*

ПАВЛОВ. Три ключа к одному инструменту.

ОЛЬГА. Ключей больше.

ПАВЛОВ. Да? Я должен знать!

ОЛЬГА. С чего бы?

ПАВЛОВ. Пишу твою биографию.

ОЛЬГА. Хватит с тебя диссертации! Налейка!

ПАВЛОВ *(наливает)*. Но диссертация – только об одном твоём феномене: синестезии.

ОЛЬГА. А у меня их сколько? *(Выпивает.)*

ПАВЛОВ. Ты феноменальна вообще. Закусывай, а то повторишь тот подвиг.

ОЛЬГА. Подвигом ты называешь то, что я легла рядом с тобой? Ты самокритичен, и это делает тебя человечнее.

ПАВЛОВ. Человечнее кого?

ОЛЬГА. Самого себя, идиот!

ПАВЛОВ. Она легла рядом со мной! Ты рухнула, как спиленная сосна! Это я лёг рядом с тобой!

ОЛЬГА. Почему же сосна? Я ассоциируюсь у тебя с сосной? Не с берёзкой? Не с осинкой?

ПАВЛОВ. Ты рухнула, как дерево! Без уточнений.

ОЛЬГА. Павлов, а ты жену любил?

ПАВЛОВ. Да.

ОЛЬГА. Бедная Аня. А меня?

ПАВЛОВ. И тебя любил.

ОЛЬГА. Двух женщин любить невозможно.

ПАВЛОВ. Это женское мнение. И потому ошибочное.

ОЛЬГА. Я бы не смогла любить двух мужчин...

ПАВЛОВ. Но любишь же.

ОЛЬГА. Нет.

ПАВЛОВ. Значит, меня не любишь?

ОЛЬГА. Ты – моё лекарство, мой женьшень.

Павлов смеётся.

А ты меня и сейчас любишь?

ПАВЛОВ. Куда ж деваться-то?!

ОЛЬГА. Ой, не говори так, Павлов, как будто ты в заточении... Заперла тебя, баба несносная, а ты и горюнишься...

ПАВЛОВ. Попробовала бы ты меня запереть!.. Лучше попробуй это *(вскрывает коробку конфет)*. «Птасе млечко»! Оригинальные, Веделевские.

ОЛЬГА. Мне нельзя конфет – я раздаюсь в неприличных местах.

ПАВЛОВ. Во-первых, у тебя таких нет, а, во-вторых, прошу тебя, раздайся! Поешь и раздайся, наконец!

ОЛЬГА. Ты считаешь, я слишком худа?

ПАВЛОВ. Я не про ширь.

ОЛЬГА. А про что?

ПАВЛОВ делает неопределённый жест рукой. ОЛЬГА берёт конфету, пробует.

ОЛЬГА. Да это же наше «Птичье молоко»!

ПАВЛОВ. Польское. Наши слямзили, сделали торт. Я ведь только что с «Варшавской осени».

ОЛЬГА. Было что-нибудь заметное?

ПАВЛОВ. По твоей части – нет.

ОЛЬГА. Это потому что для виолончели уже всё написано, все слёзы выплаканы.

ПАВЛОВ. Всё искусство вообще завершается. Человечество переходит на спорт. В музыке – кто кого переиграет. Технически. Кто динамичней, у кого пальцы бегают по клавишам, как мыши, или смычок давит на струну изошрённей...

ОЛЬГА. Это как?

ПАВЛОВ. Что как?

ОЛЬГА. Как это *изошрённей*?

ПАВЛОВ. Не ломай из себя дурочку.

ОЛЬГА. Я не понимаю. Ты сказал: «смычок давит на струну *изошрённей*», – я не понимаю, как это.

ПАВЛОВ. Придираешься, да?

ОЛЬГА. Да нет же! Я просто не понимаю критерия!.. Этот музыкант давит смычком на струну *изошрённее*, чем тот, – так, что ли?

Это оценка? Так оценивало жюри струнные инструменты?

ПАВЛОВ. Там нет никакого жюри. Это не конкурс. Это фестиваль. *(Выпивает.)*

Продолжительная пауза.

ОЛЬГА. Между прочим, родители Дю Пре познакомились в Польше, в Татрах.

ПАВЛОВ. Да? Не знал. А знаешь ли ты, что такое «птичье молоко»?

ОЛЬГА. Кажется, в сказках оно было у райских птиц.

ПАВЛОВ. Птичье молоко – то, что отпрыгивают родители-птицы своим птенцам вместе с полупереваренной пищей: рыбой, грызунами, насекомыми...

ОЛЬГА. Хорошо, что ты, Павлов, не популяризатор орнитологических знаний.

ПАВЛОВ *(восхищён)*. Как ты это выговорила?!

ОЛЬГА. А есть и нейтральный ключ.

ПАВЛОВ. Это для ударных. Не в счёт.

ОЛЬГА. Он не показывает высоту звука.

ПАВЛОВ. Нет.

ОЛЬГА. Вот ты и есть нейтральный ключ.

ПАВЛОВ. Я не могу быть нейтральным.

ОЛЬГА. Почему это?

ПАВЛОВ. Потому что ударные – не моё. Понимаешь, звук виолончели напоминает низкий мужской голос с бархатным тембром. Как у меня.

ОЛЬГА смеётся.

Именно поэтому ты меня и выбрала.

ОЛЬГА. Я тебя выбрала?

ПАВЛОВ. Конечно. Просто магия голоса... «Извините», – сказал я, ударившись о твою голову. И всё. Ты очарована на всю жизнь. *(Подливает вино в свой бокал.)* Я только одного не могу понять... А в каком смысле *идиот*?

ОЛЬГА. Что?

ПАВЛОВ. Ты употребила слово *идиот* по отношению ко мне.

ОЛЬГА. Я? Обозвала тебя идиотом?

ПАВЛОВ. Тоже не помнишь? *(Обращаясь к кому-то.)* Вторая стадия опьянения – не помнить только что произнесённое. Ты сказала, что, признавая ошибки, я становлюсь человечнее самого себя... и добавила: «идиот». Я хочу знать, в каком смысле? В достоевском или в медицинском?

ОЛЬГА. Зачем тебе это знать?

ПАВЛОВ. Чтобы определить степень твоего отношения ко мне.

ОЛЬГА. Степень моего отношения к тебе выше, чем градус у этого вина. *(Наливает себе сама, выпивает.)*

ПАВЛОВ. Умеешь ты сказануть. Третья стадия.

ОЛЬГА. Павлов, поди сюда.

ПАВЛОВ подходит, она привлекает его к себе, целует.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Осторожно открывается входная дверь – появляются две тени. Включается общий свет. На пороге – ЖАКЛИН и МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, они навеселе.

ЖАКЛИН. О! Здравствуй, Павлов.

Пуловер ПАВЛОВА зацепился за брошку ОЛЬГИ, они пытаются расцепиться, но тщетно.

ПАВЛОВ. Привет, Акулька.

ЖАКЛИН. Я бы даже сказала: да здравствует Павлов! Очень хорошо, что мама не одна – легче будет смириться с неизбежным...

ЖАКЛИН проходит мимо ОЛЬГИ и ПАВЛОВА. МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК присаживается на пороге. Одет он просто, но вычурно.

Вас так влечёт друг к другу!

ПАВЛОВ. Это зацеп.

ЖАКЛИН. Подсекай! Она тебя, Павлов, так ждала – утром уборку устроила!

ОЛЬГА. Это должно было когда-нибудь случиться. Знакомь со своим женихом. Он совершеннолетний?

ПАВЛОВ продолжает пытаться расцепиться.

ЖАКЛИН. Проницательная мама. Поймала Павлова на «Чёрную каплю»...

ПАВЛОВ. Да ты уже, я смотрю, не Акулька, а целая Акуля...

ЖАКЛИН пальцем подзывает МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА, подводит к сцепленной паре.

ЖАКЛИН. Это не жених, это мой муж. Мы сегодня расписались.

У ОЛЬГИ подкашиваются ноги, ПАВЛОВ удерживает её.

ЖАКЛИН. Дайте-ка... *(Сняв брошь, освобождает пару, отводит маму на диван.)* Валокордин? Валидол? Капли Зеленина?

ОЛЬГА машет рукой: нет. ЖАКЛИН гладит маму по спине.

Мама, ну... мы обе этого ждали... Расстраиваться не надо, надо радоваться!

ПАВЛОВ *(протягивая руку Молодому человеку)*. Павлов.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК *(пожимая)*. Je n'en crois pas mes yeux⁵!

ПАВЛОВ. Он что, француз?

ЖАКЛИН. Я смотрю, и у вас всё налаживается, наконец.

ОЛЬГА. Оставь свой развязный тон.

ЖАКЛИН. Этот тон задан вами с Павловым. И мне он не кажется развязным. Тон чистый. Тон высокий.

ОЛЬГА. Прекрати!

ЖАКЛИН. Но, мама, я же так и не познакомила тебя с моим мужем! *(Бросается к нему, тянет к маме, представляет.)*

Ольга Никитична.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мало сказать: я рад, я безмерно счастлив познакомиться с вами, дорогая Ольга Никитична! *(Встаёт на колено, целует руку. Поднимается.)*

Первый шок пройдёт, а впереди – вся жизнь, полная взлётов и падений, радостей и горестей, очарований и разочарований! Но самое главное – это семья, это тыл, это защита и опора.

На кого нам ещё опираться, как не на семью? Правда ведь?

ОЛЬГА невольно кивает, недоумевая.

Я знал, что в вашем лице встречу поддержку моей жизненной позиции. Это очень важно для дальнейшего совместного проживания. Когда семья – это... сплочённое единство, когда всегда один придёт на помощь другому в ситуации любой сложности! По-моему, именно это и зовётся счастьем! *(Наклоняется, лезет к Ольге с поцелуем.)*

ОЛЬГА *(отстраняясь)*. Как зовут вас, трибун? И сколько вам лет?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК *(щёлкая каблуками, с поклоном)*. Викандр.

ПАВЛОВ. Как-как?

ВИКАНДР. Имя-отчество в сокращении. Викентий Андреевич.

ОЛЬГА. А фамилия?

ВИКАНДР. Некрасов-Черняк.

ОЛЬГА. И ты теперь Некрасова-Черняк?

ЖАКЛИН. Нет, мы решили, что я останусь Бельской. По крайней мере, пока выступаю... Всё-таки под этой фамилией меня знают.

ОЛЬГА. Всё-таки да. *(Викандру.)* У вас голос пунцовый, маковый цвет.

ПАВЛОВ *(Ольге)*. У него голос сладкозвучный...

ВИКАНДР *(Ольге)*. Pardon, это хорошо или плохо?

ЖАКЛИН *(Викандру)*. Мама любой звук ощущает цветом... *(Представляет.)*

Многолетний друг мамы, музыковед.

ПАВЛОВ. Сколько раз просил не обзывать. Я историк музыки. Historien de la musique.

ВИКАНДР. Моё занятие...

ЖАКЛИН *(подмигивает Викандру)*. Викандр учится на философском факультете. Он философ.

ПАВЛОВ *(с интересом)*. Да-а-а? И о чём нынче рассуждают современные мудрецы?

ВИКАНДР. Не поверите. C'est la même chose⁶. Бьются над тем же, над чем веками бились их предшественники: познать непознанное.

ПАВЛОВ. Удаётся?

ВИКАНДР. Видите ли... Непознанное – это будущее. Все мы движемся в неизвестное...

Жизнь – непредсказуема, как бы нам ни хотелось упорядочить её, непредсказуема даже в своём пике.

ПАВЛОВ. В своём пике?..

ВИКАНДР. Да. Пик жизни – смерть, но и она лишь запятая, поскольку до неё-то жизнь познана, а дальше... Только домыслы. Смерть открывает новое непознанное. Это движение безпредельно.

ПАВЛОВ. Но конец должен где-то быть?

ВИКАНДР. В непознаваемом. Что-то познать нам дано, а что-то – нет. За смертью – непознаваемое. У нас близкие профессии. Вы – историк музыки, я – историк мысли. Очень рад, коллега. *(Хватает и трясёт руку Павлова.)* А почему, кстати, вам не по нраву «музыковед»?

ПАВЛОВ. Как товаровед потому что... А я не товаром занимаюсь.

ВИКАНДР. Да-да, «мозговед» тоже неприятно... Давайте-ка отвлечёмся от

⁵ Я не верю своим глазам (фр.)

⁶ Это то же самое (фр.)

отвлечённых материй, *désolé* pour la tautologie⁷, и спрыснем знакомство!

ЖАКЛИН. Да, и наши свадьбы!

ОЛЬГА. Никаких свадеб нет. Покажи паспорт!

ЖАКЛИН. Ты что, не веришь мне, мама?

ОЛЬГА. Покажи паспорт, пожалуйста.

ЖАКЛИН достаёт из сумочки паспорт, открывает на нужной странице, подносит к глазам ОЛЬГИ.

Очки, пожалуйста.

ЖАКЛИН оглядывается в поисках, находит очки на этажерке, даёт их ОЛЬГЕ. Та надевает, смотрит.

Павлов, они действительно расписались!

ПАВЛОВ. Мы всё выпили – поздравить нечем.

ОЛЬГА (*Викандру*). Вы неприлично молоды.

ВИКАНДР. Честно скажу, мне это не мешает.

ОЛЬГА. Но вы совершеннолетний?

ВИКАНДР. Я обладаю правами, которые возлагаются на лицо, достигшее восемнадцати лет.

ОЛЬГА. И когда лицо достигло?

ВИКАНДР. Девятого марта сего года.

ОЛЬГА. Однако никто не налагает на вас обязанность немедленно после достижения жениться на моей дочери!

ЖАКЛИН. А моё мнение несущественно?

ПАВЛОВ. Молод, начитан, велеречив. Партия!

ОЛЬГА (*Жаклин*). Это твой сегодняшний сюрприз? Он удался.

ЖАКЛИН. Твой тоже.

ОЛЬГА (*не слушая, к Викандру*). Где вы познакомились? Павлов, совсем вина нет?

ПАВЛОВ (*поднимает бутылку, смотрит*). Двадцать капель.

ОЛЬГА. Нацеди. (*К Викандру*.) Вы тоже стреляете из лука? Вы в одной команде?

ВИКАНДР не успевает ответить, звонит мобильный телефон ОЛЬГИ, она поднимается, проходит на кухню.

Кларочка, только вспоминала!

ПАВЛОВ выливает остатки вина из бутылки в бокал Ольги.

Почему ты плачешь? (*Садится на стул.*) Дорогая моя! (*Опустив руку с телефоном, сидит неподвижно.*)

ПАВЛОВ. Вы неплохо владеете французским...

ВИКАНДР. Тяжёлое парижское детство...

ПАВЛОВ. Вот как!..

ОЛЬГА (*выходя из кухни*). Павлов, едем к Кларе. Алик умер.

ПАВЛОВ. Алик? (*Потрясён.*)

ЖАКЛИН. Две свадьбы, одни похороны... Алика жалко.

ОЛЬГА. Не говори глупости. (*Надевает плащ.*)

ПАВЛОВ прощается молча, взмахом руки. Выходят с ОЛЬГОЙ, какое-то время их ещё слышно: «Ты выпила, поведу я. – И ты пил! Если нас остановят...» ЖАКЛИН стучит по столу, ВИКАНДР ей вторит, они выстукивают некую мелодию на всех предметах гостиной, двигаясь под неё в диком танце.

ЖАКЛИН. Тебе нравится моя грудь?

ВИКАНДР. Это лакомство.

ЖАКЛИН (*смеясь*). А какой у неё вкус?

ВИКАНДР. Я могу изобразить его только звуком! (*Изображает.*)

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Утро следующего дня. ЖАКЛИН и ВИКАНДР лежат в постели.

ЖАКЛИН. Ты уже не спишь, а притворяешься. (*Смотрит на него.*) Викеша!

Пауза. ВИКАНДР внезапно набрасывается на неё, ЖАКЛИН визжит.

ВИКАНДР. Съем! Съем! Съем!

ЖАКЛИН. А вот и не съешь!

ВИКАНДР. Почему это?

ЖАКЛИН. Подавишься.

ВИКАНДР (*приостанавливаясь*). Об этом я не подумал, рыбка моя!

ЖАКЛИН. Мне нравится быть рыбкой.

ВИКАНДР. И будь! Когда перестанет нравиться быть рыбкой – я назову тебя мышкой, сусликом, овечкой! А пока ты рыбка, плыви в мою заводь!

ЖАКЛИН. А что я получу в твоей заводи?

ВИКАНДР. М-м-м-м-молоки...

ЖАКЛИН. О-о! Только никаким сусликом я быть не хочу! Тем более – овечкой...

⁷ извините за тавтологию (фр.)

ВИКАНДР. Кем же ты хочешь быть?

ЖАКЛИН. Я хочу быть... леопардой!

ВИКАНДР. Давай-ка разберёмся. Спокойно, без эмоций. Пока ты рыбка – самое большое, что может случиться – я подавлюсь костью. И это ещё приемлемо. А когда станешь пантерой...

ЖАКЛИН.

Леопардой!

ВИКАНДР. Любой кошачьей самкой крупных размеров... у тебя же – когти.

ЖАКЛИН. Когти!

ВИКАНДР. И зубы.

ЖАКЛИН. Зубы!

ВИКАНДР. Следовательно, возможен летальный исход. Меня это не устраивает, знаешь ли... Так что, мышка, суслик или овечка. И точка.

ЖАКЛИН (*вырываясь из его объятий, перескакивает на другую сторону кровати*). Я что же, рыбка костлявая, да? Ты находишь меня худой?

ВИКАНДР. Ты не худая, ты хорошая. А насчёт костлявости: дальнейшее покажет будущее.

ЖАКЛИН. Ах, так?

ЖАКЛИН дубасит ВИКАНДРА подушкой. Он спрыгивает с кровати и, замотанный одеялом, убегает от догоняющей ЖАКЛИН. Наконец, падают в постель, тяжело дыша.

ВИКАНДР. Сколько ты выбиваешь очков? Максимально?

ЖАКЛИН. Если пять стрел, то один раз было – двадцать три из двадцати пяти.

ВИКАНДР. Ого!

ЖАКЛИН. А знаешь, с какой скоростью летит стрела?

ВИКАНДР. Я знаю скорость движения сперматозоида.

ЖАКЛИН (*с укоризной*). Э-э! Философ! (*Отворачивается.*)

ВИКАНДР (*надевает трусы*). Напрасно... напрасно ты так относишься к первопричине мира. Это знание необходимо человечеству, если оно хочет и дальше воспроизводить потомство. (*Обходит гостиную, рассматривая афиши и фотографии.*) Чем моложе организм, тем скорость сперматозоида больше и, следовательно, шанс проникновения в яйцеклетку выше.

ЖАКЛИН поднимается, оглядываясь на ВИКАНДРА, берёт лук.

При его микроскопическом-то размере пройти надо огромный путь – семнадцать

сантиметров по маточной трубе, преодолевая препятствия. И за определённое время: даются всего сутки. (*Берётся за ручку двери спальни, толкает: заперто.*) Миллионы сперматозоидов не выдерживают гонки и умирают. Зато один выживший... (*Поворачивается.*)

ЖАКЛИН направляет лук со стрелой на него. ВИКАНДР медленно продолжает движение, ЖАКЛИН держит его «на мушке».

Давно подумываю назвать свою первую работу «Путь сперматозоида».

ЖАКЛИН. Поступи сначала.

ВИКАНДР. Зачем ты сказала, что я уже учусь?

ЖАКЛИН. Неудача в этом году ведь не отменяет твоего решения в следующем? Так что, – поступишь, и мои слова станут соответствовать реальности...

ВИКАНДР. А если не поступилю?

ЖАКЛИН. Я научу тебя выдержке.

ВИКАНДР. Вижу, ты уже начала.

ЖАКЛИН. И первое, что ты должен запомнить: скорость стрелы больше двухсот километров в час.

ВИКАНДР. Опаснее зубов и когтей.

ЖАКЛИН. Сопоставимо.

ВИКАНДР. Так весело ещё никто не начинал семейную жизнь.

ЖАКЛИН. Я знала, кого выбрать.

ВИКАНДР (*приближаясь*). Неужели невозможно увернуться?

ЖАКЛИН. Хочешь попробовать?

ВИКАНДР. Ты не просто леопарда, – ты леопардица.

ЖАКЛИН. Рядом со мной и ты станешь леопардом.

ВИКАНДР. Думаешь, об этом я мечтаю? (*Вплотную подходит к Жаклин, почти утыкаясь в стрелу.*)

ЖАКЛИН. А как ты хочешь выжить в этом мире? (*Опускает лук, ослабляет тетиву.*)

ВИКАНДР. А я не хочу выживать. Я хочу жить.

ЖАКЛИН. И тебе удаётся. (*Смеётся.*) Пошли завтракать! (*Бежит на кухню.*) Ты не против вчерашней ветчины?

ВИКАНДР. Как я могу быть против чего-нибудь вчерашнего?

ЖАКЛИН (*смеясь*). То есть, подтверждаешь свою роспись?

ВИКАНДР. Куда ж деваться!

ЖАКЛИН. Ой, не говори так, будто заточила я тебя, снежная королева, в ледяной дворец

на веки вечные! Мы же договорились – мы свободны от пут. Никакого насилия! Дверь открыта всегда. Я понимаю – разница в возрасте...

ВИКАНДР. При чём тут разница в возрасте?!

ЖАКЛИН. Ага! Первый семейный скандал!

ВИКАНДР (*подходит к ней*). Ты бы выстрелила?

ЖАКЛИН. Да ты что?!

ВИКАНДР. Нет, я другое хотел спросить...

При каких обстоятельствах ты бы выстрелила?

ЖАКЛИН (*целует его в голову*). Только чтобы защитить тебя.

ВИКАНДР (*кричит*). Не разговаривай со мной, как со щенком! Где завтрак, жена?

Почему он ещё не подан? Ты что забыла, что я люблю на завтрак вчерашнюю ветчину?

ЖАКЛИН (*смирненно*). Сегодняшняя ночь отбила у меня память, о муж мой!

ВИКАНДР. Даже представить страшно, что останется от твоей памяти через год-другой...

*Целуются, садятся завтракать.
Продолжительная пауза.*

ЖАКЛИН. Викеш, подай, пожалуйста, масло...

ВИКАНДР. Пожалуйста.

ЖАКЛИН. Спасибо.

Пауза.

ВИКАНДР. Не могла бы ты передать кусочек сыру?

ЖАКЛИН. Кусочек сыру?

ВИКАНДР. Да. Un morceau de fromage⁸.

ЖАКЛИН. Avec plaisir⁹.

ВИКАНДР. Merci beaucoup¹⁰.

ЖАКЛИН. De rien¹¹.

Пауза.

Могу я задать тебе вопрос? Это не отвлечёт тебя от поедания сыра?

ВИКАНДР. Отвлеки меня, пожалуйста, а то я его весь сожру.

ЖАКЛИН. А о чём ты мечтаешь?

ВИКАНДР (*смеясь*). Что с тобой? Вопрос для анкеты «хочу всё знать»?

ЖАКЛИН. Ну почему бы жене не поинтересоваться: какая она, мечта её мужа?

Может, удастся воплотить её вместе? Леопардом ты стать не мечтаешь...

ВИКАНДР. А, анкета «кем хочешь быть»!

Мечта – она единична. Не раздваивается.

ЖАКЛИН. А единство двух?

ВИКАНДР. Иллюзия. Человек рождается один. Умирает один. И мечтает один.

ЖАКЛИН. А хочет жить этот человек вдвоём...

ВИКАНДР. Взаимопроникновение индивидуумов – на эмоциональном, психологическом, психическом и физическом уровнях – не исключает возможности единения мечты... Со временем.

ЖАКЛИН. То есть – у меня есть шанс?

СЦЕНА ПЯТАЯ

Открывается входная дверь: это ОЛЬГА. ЖАКЛИН и ВИКАНДР затаиваются. ОЛЬГА бросает сумочку, валится, не раздеваясь, на диван.

ЖАКЛИН выглядывает из кухни. На цыпочках подходит к матери, наклоняется к ней.

ОЛЬГА (*приподнявшись*). Ой, как ты меня напугала!

ЖАКЛИН. Прости.

ОЛЬГА. Голова раскалывается. Не думала, что ты дома.

ЖАКЛИН. Не только я.

ОЛЬГА. А кто ещё? (*Поднимается с дивана.*)

А, «Скафандр» тоже здесь?

ВИКАНДР (*выглядывая из кухни*). Bon retour, Olga Nikitichna!¹²

ЖАКЛИН. Его можно звать, как он хочет – Викандр, можно Викеша, как его зову я, можно просто Викентий.

ОЛЬГА. Я буду звать его «Вересаев».

ВИКАНДР. Идёт!

ОЛЬГА. Ой, голова, голова. (*Присаживается к столу.*)

ЖАКЛИН. Но-шпа? Аспирин? Панадол?

ОЛЬГА. Отсечь.

ЖАКЛИН. Ложись, я заварю тебе мятный чай. Поесть не хочешь?

ОЛЬГА показывает жестом, что нет...

ЖАКЛИН идёт на кухню.

Как Клара Валентиновна?

ОЛЬГА. Плачет. (*Прикрыв глаза, массирует висок.*)

⁸ Кусок сыра (фр.)

⁹ С удовольствием (фр.)

¹⁰ Большое спасибо (фр.)

¹¹ Не за что (фр.)

¹² С возвращением, Ольга Никитична (фр.)

ВИКАНДР шепчет ЖАКЛИН на ухо, та идёт к постели, приносит ему одежду на кухню. ВИКАНДР одевается. ЖАКЛИН готовит чай. ВИКАНДР подсаживается к столу.

ВИКАНДР (Ольге). Вчера вышло всё сумбурно... Без подходящих в таких случаях обоюдных расспросов...

ОЛЬГА приоткрывает один глаз.

Считаю необходимым поправить. А вы?

ОЛЬГА кивает.

Стакан скорее полон. Обнадёживающее взаимопонимание, благодарю вас. Итак, первый и главный вопрос: как вы вообще относитесь к институту брака?

ОЛЬГА делает попытку что-то сказать...

Поясню: есть множество теорий, почему люди сходятся. Перечислять всё – утомлять вас, но вряд ли наш случай можно отнести к разряду частых, чтобы не сказать, что он уникален.

ОЛЬГА. Уникальность заложена в неповторимости каждой пары.

ВИКАНДР. Согласен. Не спорю. Но тут другое... Когда впервые я услышал имя вашей дочери (не каждый день в наших широтах встретишь подобную диковину) – я припал! Стал копать, что оно означает... И что же? Жаклин – «вытесняющая, преследующая, обгоняющая»... И я завибрировал.

ОЛЬГА открывает второй глаз.

Потому что Викентий с латинского – «побеждающий». Вот и всё! (*Торжественно смотрит на Ольгу.*)

ОЛЬГА. Что всё?

ВИКАНДР. Как бы она ни догоняла, я одержу победу.

ОЛЬГА. Тогда ваше «бьёт» любое женское имя.

ВИКАНДР. Не скажите. Совершенно не подходит, к примеру: Елена, «светлая»... получится, я победитель света... Или Агния – «невинная». Ещё хуже... Или вообще Зоя, означающая «жизнь». Нет-нет, Жаклин идеальное имя для моей жены. Вот такой расчёт. Voilà!¹³

ОЛЬГА. А... Виктория?

ВИКАНДР. Что Виктория?

ОЛЬГА. Оба победители.

ВИКАНДР. По-видимому, отношения непредсказуемы, я избегаю женщин с таким именем...

ЖАКЛИН (*приносит чайник, чашку, ставит на стол, Ольге*). Достает тебя философ?

ВИКАНДР. Отвлекаю Ольгу Никитичну от головной боли...

ОЛЬГА. И, надо сказать, успешно! Я... как это?.. припала.

ВИКАНДР (Ольге). Продолжим обсуждать насущное?

ОЛЬГА. Продолжим, Вересаев.

ВИКАНДР. Да, Вересаев самый известный из Викентиев. Были ещё архитектор, лётчик, учёный ... Жена, перемести-ка приборы в гостиную. Попьём чай вместе, по-семейному.

ОЛЬГА смотрит на ЖАКЛИН, которая безропотно идёт на кухню, выполняет сказанное.

Вы позволите? (*Наливает Ольге мятный чай.*)

ОЛЬГА. Но родители вас назвали в честь писателя?

ВИКАНДР. Нет. Все мои предки по мужской линии были Викентиями Викентьевичами. Папа немного «подпортил» плавное течение этой традиции...

ОЛЬГА. Значит ли это, что ваш сын будет Викентием?

ЖАКЛИН. Мама!

ОЛЬГА. Я должна быть готова к появлению внука.

ВИКАНДР. И это желание – в вашу пользу! Да, он будет Виквиком.

ОЛЬГА. Ну, вот... (*Будто играет.*) «Виквикисечка, Виквикулечка»... А если родится внучка, то она будет Викентией?

ВИКАНДР. Вопрос не проработан, отложен до события. Разве есть такое женское имя?

ОЛЬГА. А чем родители этих прекрасных малышей будут их кормить? У вас самого, Вересаев, простите, молоко на губах не обсохло.

ЖАКЛИН (*принеся посуду, подсаживается*). А у тебя, кажется, проходит голова...

ОЛЬГА. Ты очень любезна.

ВИКАНДР. Обжёгшись на молоке – дуют на воду, не так ли?

ОЛЬГА. Не поняла...

ВИКАНДР. Да, я не ВКС.

ОЛЬГА. Что это?

¹³ Вот так (фр.)

ВИКАНДР. Высшая кредитоспособность. Кроме того, мне претит ВСР.

ОЛЬГА. Перестаньте говорить аббревиатурами!

ВИКАНДР. Очень просто: ВСР – восхождение по ступеням респектабельности.

ОЛЬГА. Всё с чего-то начинается...

ВИКАНДР. Начало у всех одно. Но продолжение – вот что важно! И продолжиться может в разные стороны!.. Да, я разбросан, но не дисперсен. Потому что разборчив. Этого не отнять.

ОЛЬГА. У меня вновь начинает болеть голова... (К Жаклин.) Ты понимаешь, что он говорит?

ЖАКЛИН. Мы вместе слишком маленький срок. Пообвыкнуться надо.

ОЛЬГА. Полагаю, прежде чем решиться на такой шаг, как создание семьи, нелишне было бы познакомить родителей, обсудить варианты обустройства...

ЖАКЛИН. Разве нельзя иначе?

ОЛЬГА. Втайне? Твоя идея?

ВИКАНДР. Ах, как вы правы! Но некоторые обстоятельства непреодолимой силы повлекли спешку в вопросе, который, безусловно, требует обстоятельности...

ОЛЬГА. Хм! Что же это за обстоятельства?

ВИКАНДР. Ваш внук или внучка уже на пути к рождению.

И ОЛЬГА, и ЖАКЛИН смотрят на него недоумевающе. Затем ОЛЬГА переводит взгляд на ЖАКЛИН.

ЖАКЛИН. Я забыла ежевичное варенье! (Убегает на кухню.)

ОЛЬГА. То есть, вы расписались вынужденно?

ВИКАНДР. О, нет, что вы?! Я...

ОЛЬГА. Вересаев! Вы любите Жаклин?

ВИКАНДР. Не то слово!

ОЛЬГА. Жаклин!

ЖАКЛИН. Да, мама?

ОЛЬГА. Ты любишь Вересаева?

ЖАКЛИН. Да, мама.

ОЛЬГА (поднимаясь из-за стола). Научи его отвечать чётко и ясно. И береги себя, не пей, не передай, не поднимай тяжести (а как же твои тренировки?) – теперь ты не одна... Очередной Викентий Викентьевич на пути к жизни, цени это. Разорванная цепь вновь соединяется... Не морочьте мне больше голову! И оставьте меня... (Закрывается в ванной комнате.)

ЖАКЛИН. Ты зачем сказал, что я беременна?

ВИКАНДР. Беру пример с тебя. А вообще я думаю, это великолепная идея: воплощение желаемого в действительное! Сначала желаемое выдаётся за действительное, а потом исполняется!

ЖАКЛИН. Ладно, собирайся!

ВИКАНДР. Я собран. Я сжат, как пружина. Я целен и твёрд. Поторопись же, жена!

ЖАКЛИН убирает со стола, моет посуду, одевается. ВИКАНДР расхаживает по гостиной, приседая на стулья и даже разваливаясь на диване...

(Глядя в окно, присвистнув.) Посмотри, что на улице!

ЖАКЛИН. Что там? *(Смотрит.)* Ого! Ты не замёрзнешь в своей куртяшке?

ВИКАНДР *(оборачиваясь к ней)*. Да, мы вместе слишком маленький срок...

ЖАКЛИН *(кричит)*. Мама, мы ушли!

ОЛЬГА выходит из ванной комнаты в домашнем халате.

ОЛЬГА *(Викандру)*. Ничего, по-родственному?

ВИКАНДР. Я эмпат. Вхожу в положение.

ОЛЬГА. Мне всё больше и больше нравится этот парень...

ВИКАНДР. Вы мне тоже по душе. Сживёмся.

ОЛЬГА *(Жаклин)*. И нечего так кричать. Я ещё не оглохла.

ЖАКЛИН тянет ВИКАНДРА. Они выходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ОЛЬГА закрывает за ними дверь. Стоит какое-то время. Делает неопределённый жест рукой, из которого рождаются спонтанные движения, подчинённые ритму. ОЛЬГА скользит по гостиной в танце. С улицы за ней кто-то, приложив ладонь к стеклу, наблюдает. ОЛЬГА делает эффектную концовку выдуманного ею танца, плюхаясь на диван. В окно стучат. ОЛЬГА оборачивается, но никого не видит. Встаёт, подходит к окну. Стучат уже в дверь.

ОЛЬГА. Вересаев?! Забыли что-нибудь?

ОЛЬГА открывает. ЛЁСИК переступает порог, держа в руке букет роз. ОЛЬГА стоит, столбнев.

ЛЁСИК. Снег в середине сентября... Аномалия... *(Стряхивает снег с роз.)* Я сюда поставлю, да?

ЛЁСИК берёт вазу с буфета, идёт на кухню, наливает воды, ставит вазу с цветами на стол. ОЛЬГА следит за его передвижениями, не шелохнувшись.

Они сейчас отгают.

Пауза.

Я перелез через забор, извини. Ждал, пока ты останешься одна. Подсматривал, в общем...

ОЛЬГА. А если бы я не осталась одна, что, мёрз бы на улице? *(Проходит, как бы сторонясь Лёсика.)*

ЛЁСИК. Я не знаю. Но мне казалось, сегодня мы должны быть вдвоём.

ОЛЬГА *(останавливаясь)*. Сегодня? Почему сегодня?

ЛЁСИК. Ну, как же? Пятнадцать лет назад мы условились встретиться сегодня, разве ты не помнишь? Пятнадцатого сентября.

ОЛЬГА. Четырнадцатого. Я ждала тебя вчера.

ЛЁСИК. Нет-нет-нет, я хорошо запомнил именно из-за совпадения: пятнадцать лет – пятнадцатое сентября.

ОЛЬГА. Ты перепутал. Неважно...

ЛЁСИК. Нет-нет-нет, как – неважно? Как же так?! Ты уверена, да? Что за аберрация памяти? Цифра 15, цифра 15... Да. *(Бледнеет.)* Это было новолетие – 14 сентября, а 15 лет – это индиктион. Боже мой! Я ошибся! Ты права. Я должен был прийти вчера. *(На лице – ужас.)*

ОЛЬГА. Ты пришёл сегодня, я рада.

ЛЁСИК. Как я мог?! Пятнадцать лет!

ОЛЬГА. Какие дивные розы!

ЛЁСИК. Прости меня.

Пауза.

ОЛЬГА. Ой! *(Заметила или сделала вид, что только заметила, что в халате.)* Это ты меня прости, что встречаю тебя в домашнем... *(Делает движение в сторону спальни.)*

ЛЁСИК. Нет-нет-нет, не переодевайся, пожалуйста. Оставайся так. Я тоже могу остаться в рубашке, не возражаешь? *(Снимает с себя старое пальто, небрежно бросает на спинку стула.)* Ну, вот, сближаемся.

ОЛЬГА. Нам надо сближаться, Лёсик?

ЛЁСИК. Пятнадцать лет... Отвыкаешь.

ОЛЬГА. Я сильно изменилась?

ЛЁСИК. Нет.

ОЛЬГА. Не ври.

ЛЁСИК. Ты слабо изменилась, Лёна.

ОЛЬГА. Лё-на... Так меня никто не называл, только ты.

ЛЁСИК. И Лёсик я только у тебя.

ОЛЬГА. А у жены... как?

ЛЁСИК. Мы давно развелись.

ОЛЬГА. Ну, как давно?

ЛЁСИК. Больше десяти лет.

ОЛЬГА *(как бы запнувшись)*. Что же ты... один был всё это время?

ЛЁСИК. Я импотент, Лёна.

Пауза.

ОЛЬГА. Занимаешься всё тем же, своими масонами?

ЛЁСИК. О, я потому и не поверил поначалу, что мог спутать числа! Числа – одна из основ масонства. Считается, что масонству триста лет. Как бы не так! Первые тайные общества появились три тысячи лет тому назад! И, обрати внимание, ещё Пифагор в шестом веке до нашей эры говорил, что числа управляют миром, Пифагор, создавший учение для избранных! Что мы видим сейчас? Все эти «цифровые технологии», «цифровое телевидение», «цифровая экономика»? Управление миром с помощью цифры, а число складывается из цифр! Но занят я не этим. Тут совершенно детективная история, о которой я знал давно, но совсем не подозревал, что она может продолжиться с моей помощью. Тебе интересно?

ОЛЬГА *(смотрит на него, не отрываясь)*. Конечно.

ЛЁСИК. Понимаешь, влияние масонов на мировую историю не изучено. И не могло быть изучено, поскольку – всё тайна, всё секрет, никаких документов. Так, кое-что просачивалось, и то с их ведома и для их же целей... Время от времени появлялись довольно открытые исследования о том, что, да, масонство активно на исторической сцене, но эта активность, конечно же, на благо человечества. Всё переворачивалось с ног на голову, скрывались причины и мотивы событий, создавалась «история наоборот»... Разумеется, писались такие исследования самими масонами, и для отвода глаз ими приводились в пример известные личности, по благородству души клюнувшие на приманку о совершенствовании человека и тому подобном возвышенном... Эти обманутые

люди, посвящённые лишь в первые градусы масонства, всегда были прикрытием для тех, кто имеет высшие степени и правит миром. И, хотя о «всемирном заговоре» говорится давно (подозреваю, что сами масоны и приложили к этому руку), никаких документальных доказательств не было. И вот в 1945 году в одном из замков Германии был найден масонский архив с миллионами документов за всё время существования лож, можешь себе представить?! Очевидно, не успели увезти, или уже было не до этого. Во всяком случае, архив достался нам и был перевезён в Москву, хранился в особом отделе КГБ. До 91-го года почти никто не имел к нему доступа. А в 91-ом мой коллега смог туда проникнуть, но ненадолго: дверца захлопнулась. Что-то он успел ухватить, но львиная доля документов осталась неизвестной. А ещё через три года архив был тайно передан во Францию, несмотря на протесты историков. И вот сейчас у меня появилась конфиденциальная возможность поработать там. Не спрашивай, как это удалось – цепь событий, тайных встреч, годы ожидания... Станет возможным написать подлинную историю Европы, по крайней мере, за три столетия! И я на пути к этому, представляешь? Но пока никто не должен об этом знать.

ОЛЬГА. Тебе это интересно?

ЛЁСИК (*смотрит на неё*). Это мечта моей жизни.

ОЛЬГА. Слышала где-то: «Не борись с тьмой – носи свет». Извини.

ЛЁСИК. Есть другое выражение: «Только светом теснится тьма».

Пауза.

ОЛЬГА. Идём! (*Берёт его за руку, ведёт в спальню.*)

ОЛЬГА *открывает дверь спальни, они заходят внутрь.*

Здесь всё так же, как пятнадцать лет назад. (*После паузы.*) Тебе было важно исполнить данное слово?

ЛЁСИК. Я не думал, что ты...

ОЛЬГА. Захочу тебя видеть раньше? (*Усмехается.*) Я здесь не спала. Жаклин назвала это «мемориальной спальней», смешно, правда? И удивилась, что вчера я открыла дверь. Но по сути она права. (*Ложится сверху на покрывало.*)

ЛЁСИК (*ходит по комнате*). Мне кажется, жизнь складывается из неумения жить. Моя уж точно.

ОЛЬГА. Ты мне снишься. Маленьким мальчиком. (*Небольшая пауза.*) Ты никогда не показывал мне своих детских фотографий. Мы на берегу реки, я в воде, плаваю. Очень солнечно, блики мешают мне разглядеть тебя. Ты машешь руками и что-то кричишь, что – не могу понять. И не понимаю причины твоей паники. Силюсь грести к берегу, но течение сильнее. И меня относит и закручивает. Опрокидываюсь, лицо заливает, но я не закрываю глаза и сквозь толщу воды вижу протянутые руки... Меня выдёргивают и ставят на ноги. Ты смотришь на меня снизу вверх, потому что ты мальчик совсем, и я не верю, что это сделал ты, и говоришь: «Лети». (*Пауза.*) Он всё время повторяется, этот сон. Зачем?

ЛЁСИК. Я не знаю.

ОЛЬГА. «Лети»...

ЛЁСИК. С каких пор ты его видишь?

ОЛЬГА. С тех самых.

ЛЁСИК. И? Ты летишь?

ОЛЬГА. А я тебе снюсь?

ЛЁСИК. Может быть.

ОЛЬГА. Как это – может быть?

ЛЁСИК. За ночь человек видит несколько сновидений – так утверждают – и едва ли помнит одно. Я не помню ни одного. Или мне просто ничего не снится...

ОЛЬГА. У тебя изменился оттенок голоса, он стал, как акварель.

ЛЁСИК. А цвет тот же?

ОЛЬГА. Как у первой травы.

Пауза.

ЛЁСИК. Ты продолжаешь выступать?

ОЛЬГА. Нет, только преподаю. Она стала меня тяготить. Я поняла, что сыграла на ней всё, что могла.

ЛЁСИК. Виолончелистка подобна Леде, принимающей лебедя.

ОЛЬГА. Три века, Лёсик, виолончель держали икрами ног. Шпиль придумали относительно недавно.

ЛЁСИК *забирается на покрывало, прижимается к ОЛЬГЕ. Она гладит его по голове.*

ЛЁСИК. А ты помнишь?..

ОЛЬГА. Озеро с лунной дорожкой?

ЛЁСИК. Да. И розовый куст в тенистой аллее...

Так они лежат – одни во всём мире: он, прижавшись к её груди; она, нежно проводя пальцами по его волосам. И непонятно, прошла так минута или вечность. Или вечность уместилась в минуту.

ОЛЬГА (*приподнимается, ощупывает грудь рукой*). Подожди-ка, у меня... о, Господи!..

ЛЁСИК. Что?

ОЛЬГА. У меня молоко.

ЛЁСИК. Что-о-о?

ОЛЬГА. Ну да. Смотри.

На халате в районе сосков мокрые пятна. ЛЁСИК припадает к груди. ОЛЬГА закрывает глаза.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Вечер того же дня. Входит ЖАКЛИН, прислушивается. ОЛЬГА и ЛЁСИК спят в спальне. ЖАКЛИН брезгливо приподнимает брошенное Лёсиком пальто, нюхает розы, подкрадывается и заглядывает в приоткрытую дверь. ОЛЬГА просыпается, смотрит на дочь.

ЖАКЛИН (*шепотом*). Ну, мама, ты даёшь!

ЖАКЛИН проходит на кухню, ищет что-то в шкафах, громыхая. Просыпается ЛЁСИК. ОЛЬГА поднимается, закрывает дверь.

ОЛЬГА. Дочь пришла.

ЛЁСИК поднимается, одевается. ОЛЬГА смотрит на него. ЖАКЛИН на кухне находит початую бутылку коньяка, наливает себе рюмку, выпивает.

ОЛЬГА. Теперь ещё пятнадцать лет? Я стану старушкой.

Пауза.

ЛЁСИК. Я могу не вернуться из Франции.

ОЛЬГА. Почему?

ЛЁСИК. Я не знаю даже места, в которое собираюсь. Так условлено.

ОЛЬГА. Что ты говоришь?..

ЛЁСИК. Да. На меня наденут специальный шлем, чтобы я не мог ни видеть, ни слышать, где нахожусь, и так меня повезут. А выпустят ли обратно?..

ОЛЬГА. А книга?

ЛЁСИК. Может быть, они дадут мне её написать, но и только... Может быть, я что-то смогу передать из написанного... Может быть, я только один, непосвящённый, прослежу истинный ход истории, и всё... Я ничего не знаю. Полная неизвестность.

ОЛЬГА. А, может быть, отказаться?

ЛЁСИК. Как отказаться?

ОЛЬГА. А вот так. Не ехать. Не писать. Стоит ли?

ЛЁСИК. Не мучь меня.

ОЛЬГА. Я? Тебя?

ЛЁСИК. Прощай, Лёна.

ЛЁСИК быстрым шагом идёт к двери спальни.

ОЛЬГА. Лёсик!..

ЛЁСИК останавливается. ОЛЬГА подходит, прижимается к нему. Толкает в спину. ЛЁСИК выходит из спальни, быстрым шагом направляется к входной двери.

ЖАКЛИН. Это вы принесли розы?

ЛЁСИК (*останавливается*). Я. (*Меняет направление, идёт к Жаклин.*) Это сорт «Жаклин Дю Пре».

ЛЁСИК протягивает руку к ЖАКЛИН. Та сторонится. Рука Лёсика опускается.

Прощайте. (Быстрой походкой идёт к входной двери.)

ЖАКЛИН. Стойте!

ЛЁСИК останавливается, поворачивается к ней.

Я должна вас застрелить! (Бежит, распаковывает спортивный лук.)

ЛЁСИК. Не стоит усилий. Я уже застрелен.

ЛЁСИК выходит из дома. ЖАКЛИН стреляет в его сторону, стрела застревает в двери. Появляется из спальни ОЛЬГА.

ЖАКЛИН. Знакомое лицо... Но не Павлов.

ОЛЬГА (*говорит отрешённо, будто ничего не произошло*). Ты одна?

ЖАКЛИН. Коньяку хочешь?

ОЛЬГА. Тебе нельзя.

ЖАКЛИН (*проходит по гостиной, чуть касаясь пальцами предметов; говорит спокойно*). Розы прекрасны.

ОЛЬГА. Не уколись.

ЖАКЛИН. Он оказался мошенником, вклеил свою фотографию в чужой паспорт. Я не расслышала, как его зовут на самом деле, когда его задержали.

ОЛЬГА. Его задержали при тебе?

ЖАКЛИН. Да, только мы вышли из кино.

ОЛЬГА. За ним что, следили?

ЖАКЛИН. Откуда я знаю?

ОЛЬГА. А беременность?

ЖАКЛИН. Да выдумал он всё.

ОЛЬГА. Он что, хотел нас обокрасть?

ЖАКЛИН. Я не знаю, чего он хотел.

ОЛЬГА. Может быть, это охотник за виолончелью? У меня всё-таки Роджери, восемнадцатый век. Ты не показывала ему, где сейф?

ЖАКЛИН. Конечно, нет, мама.

ОЛЬГА. Официально ты его жена.

ЖАКЛИН. Неизвестно кого.

ОЛЬГА. Уравнение с двумя неизвестными.

Ты теперь свидетель.

ЖАКЛИН. Я теперь посмешище.

Пауза.

ОЛЬГА. У меня есть ты, у тебя есть я.

ЖАКЛИН. И это предел.

ОЛЬГА. Это данность.

ЖАКЛИН. Значит, гостиная моя?

ОЛЬГА непонимающе смотрит на ЖАКЛИН.

ЖАКЛИН. Ну... теперь ты будешь в спальне?..

ОЛЬГА. Стрела вонзилась. (*Смеётся.*)

ОЛЬГА уходит за пределы видимого пространства. Звонит мобильный телефон ЖАКЛИН. Она вынимает его из своей сумочки, смотрит на экран, опускает телефон в вазу с розами. ОЛЬГА возвращается с виолончелью, достаёт её из футляра, вынимает смычок. Садится на стул, устанавливает виолончель. Звонит мобильный телефон ОЛЬГИ.

ОЛЬГА. Кто бы ни был, скажи: я репетирую. Ре-пе-ти-ру-ю!

ЖАКЛИН (*берёт трубку*). Алло! Нет, не она. Она репетирует. Ре-пе-ти-ру-ет! (*Выключает телефон.*)

ОЛЬГА. Лети!..

ОЛЬГА играет третью часть анданте виолончельной сонаты Рахманинова. ЖАКЛИН слушает. Пространство заливают жемчужный цвет разных оттенков.

ЗАНАВЕС

Москва, 2019